СТРАНА ОТЦОВЪ.

Трудно и тѣсно складывается русская жизнь заграницей.

Такъ трудно и такъ тѣсно, что часто вспоминаешь пророческія слова:

— „Вечерѣютъ дни нашей жизни и скоро наступитъ ночь"... Тяжесть не только въ томъ, что насъ выгнали изъ дома отцовъ нашихъ и даже не въ томъ, что скрыты отъ нашихъ глазъ сроки гнѣва Господня,—а въ томъ, что мы и на чужбину унесли съ собой эту вѣчную, садняющую боль за русскую землю, за русскаго человѣка и за весь огромный русскій міръ.

— Нѣтъ покоя сердцу нашему и нѣтъ отдыха нашимъ глазамъ.

И чѣмъ ярче горитъ кругомъ эта чужая, радостная и полная жизнь, тѣмъ настойчивѣе и неотступнѣе стучится въ душу одинъ и тотъ же, вѣчный вопросъ:

— А у насъ? А наши люди? А наша земля?

Смотришь, какъ тяжелые, сытые французскіе мужики собираютъ урожай въ полѣ, какъ везутъ возы съ хлѣбомъ ихъ грузные, сильные и умные кони,—и сейчасъ же мысль сама собой обжигъ „туда", домой и, какъ ножъ въ тѣло, вонзается вопросъ:

— А у насъ? А наши?

А наши бредутъ теперь къ „индѣйскому царю" и, какъ табуны печенѣговъ, ночуютъ по берегамъ обмелѣвшей Волги. Ѣдятъ траву, собираютъ желуди и не хоронятъ мертвецовъ. Волки, собаки, лисицы доѣдаютъ потомъ эти мертвыя русскія тѣла.

И ужаснѣе, больнѣе всего, что некуда уйти, некуда убѣжать отъ этихъ невольныхъ сравненій. Они на каждомъ шагу, они всегда передъ глазами...

— Вотъ французская молодежь, надежда и гордость страны. Цвѣтущіи, милыя, нарядныя дѣвушки. Онѣ много работаютъ, много смѣются и до упаду танцуютъ. И во всемъ—въ этихъ пышныхъ прическахъ, въ этихъ стройныхъ башмачкахъ и въ этомъ вихрѣ танца—сквозитъ тонкое и пьяняще, какъ вино, латинское кокетство. Смѣющіеся, веселые глаза такъ и соращиваютъ:

— Развѣ цвѣты виноваты, что они пахнутъ?

Но и этотъ вопросъ дѣвичьихъ глазъ будитъ въ русской душѣ все тѣ же мысли:

— А у насъ? А наши дѣвушки?

И вспоминается Константинополь, и встаютъ передъ очами дома непотребства, доверху наполненные голодными русскими тѣлами... Прежде на этотъ рынокъ тѣла, куда устремлялась вся похоть Азіи, привозили, бывало, только русскихъ „полонянокъ". Ихъ добывали азіаты въ бою, въ жаркой сѣчѣ и платили за нихъ своей кровью... А теперь... Теперь „товарищъ" Ленинъ, изъ одного „опыта", завалилъ эти гнющія восточныя ямы голубоглазыми русскими дѣвушками...

— Разстрѣляли отцовъ, перебили братьевъ и жениховъ, выгнали изъ родной земли и свалили въ яму.

За кусокъ хлѣба, за жалкое рубище распродается оптомъ русская честь..

— Наши матери, наши жены, наши сестры отданы на муки и на позоръ, и „товарищъ" Ленинъ оставилъ имъ только эти голубые, русскіе глаза, чтобы онѣ могли плакать...

— Видали-ль вы, какъ пьяный грекъ бьетъ по щекамъ русскую невольницу?

— Видали-ль вы надменную морду англичанина, когда съ холоднымъ развратомъ онъ выбираетъ для себя русское тѣло „помоложе и покрѣпче"?..

А когда цѣлыя стада этихъ русскихъ тѣлъ гонятъ въ участокъ „на освидѣтельствованіе"?

А когда богатый, жирный турокъ, пресытившійся въ гаремахъ, отбираетъ на невольничьемъ русскомъ рынкѣ „только молодѣнькихъ"?

— Нѣтъ, нельзя, слишкомъ страшно даже вспомнить объ этомъ... Переполнилась, до краевъ переполнилась Господнимъ гнѣвомъ русская чаша...

И оттого намъ такъ больно всякое прикосновеніе къ чужой, здоровой жизни. И оттого такъ неотступно, такъ властно слѣдуетъ за нами по пятамъ этотъ вѣчный, „терновый" вопросъ:

— А у насъ? А наши люди? А наша земля?

Мы одни во всемъ мірѣ обречены на „огненную пещь". Исторія уже сорвала съ насъ не только нашу старую одежду, но вмѣстѣ съ одеждой и кожу. И нѣтъ конца ни русскому палачеству, ни русской мукѣ.

Страшна и позорна была въ Европѣ Варфоломеевская ночь...

Но это была только ночь, одна лишь ночь. Она прошла и послѣ нея было утро и въ небѣ снова горѣло солнце...

Но четыре варфоломеевскихъ года, но четыре года сплошной тьмы и сплошной крови и ни одного утра и ни одного луча солнечнаго—это выше силъ человѣческихъ.

И кто знаетъ, пошлетъ ли намъ Господь еще и еще этой силы терпѣнія, или дѣйствительно уже „вечерѣютъ дни нашей жизни и скоро наступитъ ночь?"

Особенно болитъ наша русская душа, когда мы видимъ заграничныхъ дѣтей.

— Какія пухлыя, розовыя щеки! Какіе ясные, милые глаза!

Я не видѣлъ во Франціи босого ребенка. Я не видѣлъ грязныхъ оборвышей, протягивающихъ руку за подаяніемъ.

За все время моей жизни въ Парижѣ я только два раза видѣлъ взрослыхъ нищихъ, но ни разу не видалъ нищаго ребенка. Не знаю даже, бываютъ ли они.

Маленькій французъ и маленькая француженка—это въ полномъ смыслѣ слова—цвѣты Франціи, ихъ дѣти—культъ французовъ. Каждое воскресеніе вы увидите сотни отцовъ, несущихъ на рукахъ дѣтей. На улицѣ вы услышите дѣтскій смѣхъ, дѣтскую пѣсню, дѣтскій радостный хохотъ. Но не услышите дѣтскаго вопля и не увидите дѣтскихъ слезъ. Здѣсь холятъ, здѣсь берегутъ, здѣсь всю душу отдаютъ ребенку.

Маленькій французъ—это король Парижа.

Даже въ несчастныхъ случаяхъ, когда уличный автомобиль переѣдетъ ребенка—виновный шофферъ боится не суда и не закона, а толпы. Онъ знаетъ, что за ребенка его могутъ изувѣчить. Онъ знаетъ, что всѣ палки и всѣ зонтики поднимутся на него и что въ томъ случаѣ парижская улица не знаетъ милосердія.

— Ну, а у насъ? А наши русскія дѣти?

Ахъ, цвѣты русской земли, родившіеся въ эти варфоломеевскіе годы, еще ни разу не видѣли свѣтлаго солнца...

Вмѣстѣ съ матерями и отцами они тоже бредутъ теперь къ „индѣйскому царю"... На всемъ земномъ шарѣ нѣтъ и не было такихъ дѣтей, какъ эти „варфоломеевскія" дѣти. Ни одинъ не знаетъ, что такое шапка. Ни одинъ не видѣлъ пшеничнаго хлѣба, не ходилъ въ новыхъ сапогахъ, не носилъ новой рубахи, не ѣлъ сахару, не понимаетъ, что такое пряникъ. Эти маленькіе подданные „индѣйскаго царя" рѣдко живутъ до трехъ лѣтъ. Съ самаго рожденія у нихъ „головка виснетъ", а блѣдныя сморщенныя лица напоминаютъ двухлѣтнихъ старичковъ.

Сколько полегло ихъ на русскихъ кладбищахъ, пока Ленины дѣлали свой „опытъ"! Сколько этихъ сморщенныхъ мертвыхъ старичковъ валяется теперь по глухимъ проселкамъ Поволжья!

Сами матери, обезумѣвъ отъ голоднаго крика дѣтей, бросаютъ ихъ въ Волгу...

А другія матери—тѣ, что живутъ въ городахъ,—прислали въ Парижъ письмо, адресованное „всему міру":

— „Міръ! Возьми нашихъ дѣтей къ себѣ! Вырви ихъ изъ рукъ палачей! На колѣняхъ, со слезами умоляемъ тебя—возьми"!..

О себѣ эти матери не говорятъ. Для себя онѣ ничего не просятъ. Онѣ молча готовятся къ смерти и просятъ только о дѣтяхъ. Пусть возьмутъ ихъ люди. Пусть вырастятъ люди, но не палачи...

Такъ живутъ эти „варфоломеевскія" дѣти, рожденныя въ годы „великихъ опытовъ" Ленина и Горькаго...

А тѣ, что постарше, тѣ, что родились до коммуны, брошены подъ ноги злому человѣческому стаду и мрутъ подъ его копытами.

Докторъ Жихаревъ, редакторъ журнала „Научная Медицина" пишетъ, что никогда сифилисъ такъ не свирѣпствовалъ среди дѣтей, какъ въ годы „планетарныхъ преобразованій". На 100 венерическихъ больныхъ Калинкинской больницы въ Петербургѣ дѣтей приходится 60 и только 40 взрослыхъ.

Попадаются дѣвочки-сифилитички 12-ти, 10-ти и даже 9-ти лѣтъ.

А къ сифилису, благопріобрѣтенному дѣтьми отъ совѣтской знати, прибавляется еще и дѣтскій туберкулезъ.

—Туберкулезъ костей, железъ, мозга.

Словомъ сказать, дѣтская жизнь въ Россіи сложилась такъ, что даже „товарищъ" Луначарскій обратилъ вниманіе и написалъ:

— „Я былъ безконечно обрадованъ, когда узналъ, что Феликсъ Эдуардовичъ Дзержинскій, съ его неукротимой энергіей и его золотымъ сердцемъ, согласенъ взять на себя общее руководство органомъ попеченія о дѣтяхъ. Въ немъ очень большую роль будетъ играть ВЧК и руководитель ВЧК является и руководителемъ комиссіи"...

Такъ замкнулся кругъ надъ головой русскаго ребенка, „Феликсъ Эдуардовичъ" будетъ устраивать его счастье...

Отцовъ „золотое сердце" каждый день ставитъ „къ стенкѣ", но всѣхъ сиротъ усыновитъ...

И совѣтскіе художники нарисуютъ трогательную картину въ евангельскомъ стилѣ:

— Феликсъ Эдуардовичъ, благословляющій русскихъ дѣтей!..

Александръ Яблоновскій.

Русскіе долги.

Французское министерство иностр. дѣлъ опубликовало ноты по вопросу о русскихъ долгахъ, которыми обмѣнялись французское и англійское правительства.

Въ своей первой нотѣ (отъ 25 ноября 1920 г.) французское правительство заявляетъ, что оно не ставитъ препятствій частнымъ лицамъ, желающимъ завязать торговыя сношенія съ сов. Россей, но что оно по прежнему держится принципіальной точки зрѣнія, установленной совмѣстной деклараціей англійскаго и французскаго правительствъ отъ 28 марта 1948 г., этой деклараціей отказъ совѣтовъ отъ уплаты русскихъ долговъ признается противнымъ международному праву.

Въ вопросѣ о русскихъ долгахъ Франція выдвигаетъ слѣдующіе принципы:

а) Россія должна заключить общее соглашеніе, которое касалось бы удовлетворенія претензій всѣхъ категорій ея кредиторовъ. Этимъ пунктомъ предусматривается не только уплата долговъ, но и возмѣщеніе всѣхъ тѣхъ убытковъ, которые потерпѣли подданные союзныхъ державъ на территоріи Россіи вслѣдствіе дѣйствій русскаго правительства, его агентовъ, а также въ результатѣ смуты и сопутствующихъ ей явленій.

б) Русскіе долги падаютъ не только на Россію, но и на тѣ новыя государства, которыя образовались на ея территоріи. Эти государства должны принять на себя приходящуюся на нихъ долю долговыхъ обязательствъ б. Россійской Имперіи.

в) Уплата долговъ должна быть обезпечена соотвѣтствующими гарантіями.

г) Должны быть въ точности соблюдены тѣ пункты Версальскаго договора, въ которыхъ говорится о правѣ Россіи на возмѣщеніе ея расходовъ ея бывшими противниками.

д) Долженъ быть созданъ международный органъ, на который будетъ возложена задача распредѣленія русскаго долга.

е) Должны быть приняты всѣ мѣры для того, чтобы облегчить Россіи оплату ею своихъ долговъ.

Слѣдующимъ документомъ, касающимся вопроса о долгахъ Россіи, было письмо (отъ 31 марта т. г.) Бріана британскому послу въ Парижѣ лорду Гардингу, въ которомъ глава французскаго правительства выражалъ благодарность по поводу заявленія Ллойдъ-Джорджа въ Нижней палатѣ о готовности Англіи оказать Франціи всякую поддержку въ вопросѣ осуществленія ея своихъ правъ.

6 апрѣля новой нотой французское правительство устанавливаетъ свою точку зрѣнія на англо-совѣтскій торговый договоръ.

Французская нота отъ 25 мая указываетъ на тѣ стороны соглашеній, заключенныхъ между Англіей и совѣтами, которыми затрагиваются интересы французскихъ кредиторовъ Россіи.

14 іюня с. г. лордъ Гардингъ передалъ Бріану отвѣтъ англійскаго правительства на французскія ноты. Въ этомъ отвѣтѣ положена англійская точка зрѣнія на принципіальныя соображенія, выдвинутыя французскимъ правительствомъ въ вопросѣ русскихъ долговъ. Англійская нота приводитъ соображенія, объясняющія заключеніе экономическаго соглашенія съ совѣтами и опровергаетъ обвиненіе въ томъ, что такимъ соглашеніемъ англійскіе подданные поставлены въ болѣе привиллегированное положеніе, чѣмъ французскіе граждане, имѣющіе имущественные интересы въ Россіи. Въ нотѣ указывается, что Англія окажетъ всякую поддержку французскимъ требованіямъ, когда будетъ поставленъ вопросъ о возстановленіи мирныхъ отношеній съ сов. Россіей, и выражается надежда на участіе Франціи въ вопросѣ заключенія общаго договора между совѣтами и тѣми западно-европейскими державами, которыя намѣрены вести торговлю съ совѣтской Россіей.

Комментаріи, которыми сопровождаетъ значительная часть французской прессы подчеркиваютъ діаметральную противоположность англійской и французской точекъ зрѣнія въ вопросѣ о русскихъ долгахъ.

Отмѣчается вмѣстѣ съ тѣмъ, что, принимая всѣ мѣры огражденія интересовъ французскихъ подданныхъ, французское правительство старается вмѣстѣ съ тѣмъ выбрать путь, въ наибольшей степени облегчающій Россіи выполненіе своихъ обязательствъ.

„Политика Франціи въ отношеніи большевиковъ" пишетъ „Le Journal des Débats" „была всегда прямой и опредѣленной... Мы говорили всегда и мы повторяемъ еще разъ, что не слѣдуетъ дѣлать ничего, что могло бы укрѣпить режимъ, разорившій до основанія Россію и стремящійся сдѣлать это съ цѣлымъ міромъ. Недопустимо разговаривать съ людьми, поступки которыхъ являются поступками бандитовъ, а теоріи—теоріями безумцевъ. Франція дала въ этомъ отношеніи примѣръ, который долженъ былъ бы вызвать подражаніе повсюду. Случись это, — быть можетъ, Россія была бы теперь свободна отъ угнетающей ее тиранія и не переживала бы голодной катастрофы".

НАПРЯЖЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Берлинъ 7/IX. Поиски убійцы Эрцбергера пока ничѣмъ не увѣнчались. Правая печать продолжаетъ нападки на правительство Вирта, рѣчь коего на могилѣ Эрцбергера произвела впечатлѣніе нарожающейся политической катастрофы. Между Мюнхеномъ и Берлиномъ возникли такія тренія, разрѣшеніе коихъ требуетъ ряда крайнихъ политическихъ усилій. Опираясь на Баварію и правыхъ, Людендорфъ въ помѣщеніи Берлинскаго „Стадіонъ" произнесъ на митингѣ угрожающую рѣчь по отношенію къ правительству Вирта.

(Соб. кор.).

Въ слѣдующихъ №№ „ОГНЕЙ" пойдутъ очерки бѣжавшаго изъ Петрограда маститаго русскаго писателя А. В. Амфитеатрова

„Красный Петроградъ."

О писательскихъ обязанностяхъ.

Все чаще слышимъ за послѣднее время:

— Не ваше дѣло толковать объ этомъ (о политикѣ), ваше дѣло разсказы и стихи писать!

А давно ли твердили совсѣмъ другое:

Повтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ!

Давно ли сквозь строй гонящій деравшихъ „въ годину горя красу долинъ, небесъ и моря и ласки милой воспѣвать"?

Толстой говорилъ, что многое совершенно необъяснимое объясняется иногда очень просто: глупостью.

— Въ моей молодости, разсказывалъ онъ, у насъ былъ пріятель, бѣдный человѣкъ, вдругъ купившій однажды на послѣдній грошъ заводную, механическую канарейку. Мы голову сломали, ища объясненія этому нелѣпому поступку, пока не вспомнили, что пріятель нашъ просто ужасно глупъ.

Все такъ. Большую роль играетъ въ человѣческихъ дѣлахъ просто глупость, слабость логики, наблюдательности, вниманія, слабость и распущенность мысли, поминутно не доводящей своего дѣла до конца,—этимъ послѣднимъ мы, народъ сугубо эмоціональный, особенно страдаемъ.

Но надо помнить и другое: помимо мыслительныхъ качествъ равно какъ и многихъ другихъ, просто низкихъ и корыстныхъ) есть и другіе тяжкіе грѣхи на всѣхъ тѣхъ, что вольно и невольно содѣйствовали (и содѣйствуютъ еще и до нынѣ) всему тому кровавому безобразію, въ которомъ погибаетъ Россія: напримѣръ, наша нелюбовь къ жизненной правдѣ.

Герценъ сказалъ:

— Не зная народа, можно его покорять, угнетать, но освобождать нельзя.

А чего требовали отъ насъ, отъ „художниковъ слова", когда вмѣняли намъ въ строжайшую обязанность „быть гражданиномъ"?

Изъ литературы бралось только то, что было водой на освободительную мельницу, остальное пускалось мимо ушей, замалчивалось, подвергалось дружному разносу.

Вотъ Златовратскій. Одинъ современный писатель, самъ родомъ владимірскій мужикъ, говоритъ:

— Мы, мужики владимірцы, всегда были подрядчиками, кулаками, барышниками, были всѣмъ, чѣмъ угодно, только ужъ никакъ не соціалистами. Но пріѣзжалъ къ намъ Златовратскій, глянулъ—и твердо заявилъ, что мы соціалисты до мозга костей!

А вотъ Глѣбъ Успенскій, художникъ истинный, Божьей милостью. Сколько замѣчательныхъ и поучательныхъ характеристикъ народа!

— Нѣтъ, не о человѣческомъ достоинствѣ говорятъ мои воспоминанія..

— Всѣ въ деревнѣ бѣшены, злы, подлы...

— Прежде туда, гдѣ жили „обычаемъ звѣринымъ", вносилъ свѣтъ угодникъ, инокъ... Теперь тамъ остался только Каратаевъ и хищникъ...

— Почему, говорили мнѣ не разъ, почему вы берете только возмутительныя явленія? Но я обреченъ на подборъ этихъ ужасовъ, ибо это есть господствующее, преобладающее въ деревнѣ...

— Вотъ деревенскій кулакъ, публичный домъ держитъ—и всѣ имъ восхищаются: „умѣлъ нажить!"—всѣ ему холопски услуживаютъ и восклицаютъ съ радостью: „Ужъ онъ-то меня—и холопъ-то я, и подлецъ-то я!"

— Вотъ молодой парень—какая природная кровожадность, какая глубокая ненависть къ своему жъ брату мужику! Любитъ смотрѣть на смерть животныхъ, сжегъ цѣлый фартукъ щенятъ въ печкѣ—и веселъ!

— Весь деревенскій умъ, талантъ идетъ на кулачество... и злорадство во всей такой дѣятельности, во всей оси.вѣ ея.. Никто не цѣнитъ ни своей, ни чужой личности. Всѣ говорятъ сами же про себя: „Палки хорошей на нашего брата нѣту!"

Такъ писалъ Успенскій. Но, повторяю, изъ него брали только нужное для революціонной мельницы. И Успенскимъ-же допекали, напримѣръ Чехова, меня; имъ-же пользуясь, поминутно училъ меня на четъ народа послѣдній репортеръ. Обо мнѣ неизмѣнно говорили:

— Ну, конечно, художественный талантъ, а все таки все это не такъ, и все таки онъ не мужикъ, а про мужика можетъ сказать по настоящему только мужикъ...

Да, обо мнѣ говорили даже и такой вадоръ, совсѣмъ упустивъ изъ виду, что для того, чтобы писать, напримѣръ, „Короля Лира", вовсе не обязательно быть самому королемъ.

Въ четырнадцатомъ году орловскія бабы спрашивали меня:

— А что же это правда, будто плѣнныхъ австрійцевъ держатъ на квартирахъ и кормитъ будутъ?

Я отвѣчалъ:

— Правда. А что же съ ними дѣлать?

И бабы спокойно отвѣчали:

— Что дѣлать! Да порѣзать да покласть...

А вѣдь какъ увѣряли насъ, съ легкой руки нѣкоторыхъ писателей, что эти самыя бабы одержимы великой жалостью къ „несчастненькимъ" вообще, къ плѣнному врагу особенно. Да что-жъ! Критикъ Скабичевскій, всю жизнь разбиравшій произведенія о народѣ, однажды признался мнѣ съ идіотической радостью, что онъ никогда за всю свою жизнь не видалъ ржаного поля!

Дыбенко, Саенко. Чеховъ какъ-то замѣтилъ:

Вотъ отличная фамилія для матроса: Кошкодавленко...

А многіе ли предчувствовали тогда Кошкодавленко? И не предчувствовали, да и не смѣли предчувствовать—и очень удивились, въ силу этого, Дыбенкѣ...

Дѣды и отцы наши, начавшіе и прославившіе русскую литературу, не все же, конечно, „по теплымъ водамъ ѣздили", „мѣняли людей на собакъ" да „гуляли съ книжками Парни въ своихъ паркахъ", „среди искусственныхъ гротовъ и статуй отбитыми носами", какъ это многимъ кажется теперь. Они знали свой народъ, они не могли не знать его, весь вѣкъ жива съ нимъ въ кровной близости, и все это недурно доказали и Пушкинъ, и Лермонтовъ, и Толстой, и многіе прочіе. А потомъ что было? А потомъ „пораелася цѣпь великая", пришелъ „разночинецъ", во-первыхъ, гораздо менѣе талантливый, чѣмъ его предшественникъ, а во-вторыхъ, угрюмый, обиженный, пьющій горькую (увы, посчитайтека всѣхъ этихъ Левитовыхъ, Орфановыхъ, Николаевъ Успенскихъ) и вдобавокъ уже сугубо тенденціозный, пусть съ благими цѣлями, но тенденціозный, да еще находившійся въ полной зависимости отъ направленія своего журнала, отъ идеологіи своего кружка, отъ обязанности во что бы то ни стало быть „гражданиномъ", отъ милости Скабичевскихъ. А потомъ количество пишущихъ, количество профессіоналовъ, а не прирожденныхъ художниковъ, количество поддѣлывающихся подъ художество все растетъ и растетъ, и читатель питается уже мастеровщиной, либеральной лживостью, обязательнымъ народолюбіемъ, пошлѣйшимъ трафаретомъ: если лошадь, то непремѣнно „россинантъ" или „лукавая пристяжная", если мужикъ на коляхъ, то непремѣнно „мужичекъ", если уѣздный городъ, то непремѣнно свиньи въ грязи среди площади да герань въ окнѣ, если комодъ, то обязательно „пузатый", если помѣщикъ, то ужъ, конечно, крѣпостникъ, если деревня, то только „лохматыя избенки, жмущіяся другъ къ другу и какъ то боязливо взирающія на проѣзжаго", если „огоньки", то не иначе, какъ символическіе... и, Богъ мой, сколько легендъ о жестокостяхъ крѣпостного права или о Стенькѣ Разинѣ, слышанныхъ будто бы на охотѣ:

— Случилось мнѣ однажды съ ружьемъ и собакой забрести въ глухіе приволжскіе лѣса.

Исключеніе изъ правила.

(Я. Гильбертъ, чешскій руссофилъ.)

Мы знаемъ, что исключенія подтверждаютъ правила и, именно, съ этой точки зрѣнія мы смотримъ на рѣзкое, антирусское выступленіе, которое позволилъ себѣ чешскій писатель и чешскій руссофилъ Ярославъ Гильбертъ на страницахъ газеты „Venkovъ".

Мы знаемъ, что ненависть Ярослава Гильберта ко всему русскому и его одиночество въ этой ненависти еще ярче подчеркиваетъ руссофильство чешскаго народа.

Но, намъ русскимъ, конечно, особенно больно и обидно, что руссофильствомъ занимается чехъ и, что еще больнѣе—чешскій писатель,—въ то самое время, когда Россія больна и безсильна, когда ее можно обливать помоями безъ риска „оскорбить Великую Страну".

Невольно у насъ возникаетъ вопросъ: написалъ-бы или нѣтъ Ярославъ Гильбертъ нѣчто подобное тому, что было имъ написано въ „Venkovѣ" на дняхъ о Россіи и русскихъ, если бы Россія была здорова, если бы русскій народъ въ настоящее время былъ бы такъ же силенъ, какъ четыре года назадъ!

Я. Гильбертъ, чешскій писатель и драматургъ съ именемъ,—обидѣлся на насъ за то, что мы въ одномъ изъ прежнихъ обзоровъ констатировали неосвѣдомленность въ русскихъ дѣлахъ газеты „Venkovъ", членомъ редакціи которой онъ состоитъ.

Свое недовольство нашей характеристикой, совершенно спокойной и написанной безъ всякихъ заднихъ мыслей и безъ стремленій кого-либо обидѣть или задѣть, Я. Гильбертъ излилъ въ рядѣ нервныхъ и грубыхъ, недостойныхъ славянскаго писателя выпадовъ противъ Россіи и русскихъ.

Онъ упрекнулъ насъ и въ бѣженствѣ и въ высокомѣріи, попрекнулъ насъ „вредными" идеями, которыя мы будто бы распространяемъ по Европѣ (къ числу такихъ идей Я. Гильбертъ причисляетъ и идею военной интервенціи), мимоходомъ задѣлъ и московскій Художественный театръ, являющійся въ глазахъ чешскаго „руссофила" не стоющей вниманія декаденщиной, и съ большимъ самомнѣніемъ подчеркнулъ, что его коллеги по редакціи не сдавали экзаменовъ въ руссофильствѣ, и не предполагаютъ ихъ сдавать!

Русскимъ Я. Гильбертъ далъ слѣдующую характеристику:—это народъ или деспотическій или разрушающій; съ большимъ самомнѣніемъ, считающій, что ему дано спасти міръ, но неспособный къ практическому строительству; народъ интересныхъ, но безхозяйственныхъ женщинъ, народъ крайностей.

Свое „знаніе" русскаго народа Я. Гильбертъ основываетъ на личныхъ впечатлѣніяхъ. А „личныя впечатлѣнія" Я. Гильберта были получены изъ дверей теплушки, прорѣзавшей нынѣшняго „руссофила" нѣсколько сотъ километровъ по Восточной Сибири, находившейся уже въ періодѣ революціоннаго разнала.

Я. Гильбертъ не зналъ, не знаетъ и не хочетъ знать настоящей Россіи, потому что онъ органически ненавидитъ все русское, и ex officio считаетъ своимъ долгомъ выступать противъ Россіи.

Быть можетъ, онъ это дѣлаетъ, раздраженный тѣмъ, что русскій большевизмъ не оправдалъ его личныхъ надеждъ.

Мы, русскіе, потеряли очень, очень многое, но слава Богу, хорошая память у насъ еще осталась: мы помнимъ, какъ въ „Venkovѣ" Ярославъ Гильбертъ сравнивалъ Ленина съ Гусомъ и пѣлъ восторженные гимны большевизму, какъ ученію правды. Конечно, тогда, на зарѣ большевизма это было модно, и Я. Гильбертъ, какъ и многіе „западно-европейцы" незнакомые съ русскими дѣлами слѣпо шли за модой.

Можно ли это называть знаніемъ Россіи?!. Освѣдомленностью въ русскихъ дѣлахъ?!

Обозрѣватель.

Долго и тщетно ходилъ я въ поискахъ живности, а день межъ тѣмъ клонился къ вечеру, а дождь межъ тѣмъ все усиливался, такъ что приходилось уже серьезно подумывать о ночлегѣ..

На этомъ „ночлегѣ", конечно, и должна была быть услышана легенда. И писатель отлично зналъ, что это его святая обязанность, равно какъ и то, что полагалось этой легендѣ быть „безхитростной" и выражающей „заѣтнѣйшія" мечты „сермяжнаго" разсказчика.

А теперь, говорю, времена измѣнились: теперь многимъ изъ насъ, даже наиболѣе покладистымъ, просто не вмоготу стало слушать „на ночлегахъ" только то, что угодно нашимъ „неизмѣнно вѣрящимъ" во всяческіе „заѣты" цѣнителямъ, и отъ насъ уже требуется посторониться, заняться своими прямыми, поэтическими обязанностями... Изъ „гражданъ" мы теперь разжалованы.

Въ шестнадцатомъ году у насъ съ покойнымъ Кокошкинымъ зашелъ какъ то разговоръ о русскомъ народѣ. Я не сказалъ ничего ужаснаго, но онъ все таки вспылилъ и вдругъ прерывалъ меня со своей обычной корректностью, но на этотъ разъ съ необычной для него рѣзкостью:

— Оставимъ этотъ разговоръ. Мнѣ ваши взгляды на народъ всегда казались—ну, извините, слишкомъ исключительными, что ли...

И, помню, съ какимъ удивленіемъ и почти ужасомъ думалъ я послѣ этого разговора:

Нѣтъ, это наше „благородство" (и въ такое страшное время) надъ даромъ не пройдетъ!

И точно—не прошло. Отъ копѣечной свѣчки Москва сгорѣла. А въ домахъ деревянныхъ, крытыхъ соломой, играть огнемъ особенно опасно.

Ив. Бунинъ.

Изъ Петрограда.

Намъ пишутъ:

Смерть Ал. Блока произвела сильное впечатлѣніе на нашу интеллигенцію, хотя она и привыкла къ вѣлицу смерти. Въ русскихъ газетахъ за границей писались статьи по вопросу о томъ, отче о умеръ поэтъ. Бѣлая пресса писала: „отъ цынги". Большевистская, желая ослабить впечатлѣніе и снять отвѣтственность съ совѣтскаго правительства, возражала: „отъ рака". [illegible] этомъ не говорилось), но у него было общее истощеніе организма съ цынготными явленіями (пухли десны и кровоточили) и съ все возраставшей слабостью сердца. Причины: общія условія жизни, холодъ, голоданіе, хожденіе за „продуктами" въ дни „выдачъ" (пока Блокъ еще могъ двигаться), ужасное душевное состояніе, доходившее временами до полу-психоза. Такъ живетъ огромное большинство русской интеллигенціи. Блокъ оказался хрупче другихъ. Но если большевистскій режимъ продлится, то вымрутъ всѣ. Это не преувеличеніе. Всѣ верхи интеллигенціи обречены на медленную смерть.

Вы интересуетесь вопросомъ объ отношеніи Блока къ совѣтскому правительству. Знаменитое „Двѣнадцать" иногда разсматривается какъ восхваленіе совѣтскаго режима. Это — ошибка. Начать съ того, что „Двѣнадцать" было опубликовано впервые не въ большевистской, а въ эсъ-эровской прессѣ. Блокъ вообще въ революціи тяготѣлъ не къ большевикамъ, а къ лѣвымъ эсъ-эрамъ, максималистамъ и анархистамъ.

Но и это было не политической позиціей, а революціонно-мистическимъ порывомъ. И то въ началѣ. Въ послѣднее же время Блокъ просто тяжко скорбѣлъ и страдалъ о бѣдствіяхъ Россіи. Было бы тягчайшей ошибкой отождествлять его хоть на іоту съ М. Горькимъ, съ Сергѣемъ Городецкимъ и другими казенными бардами большевизма. Несчастіе Блока въ томъ, что онъ до смерти не могъ вырваться изъ Россіи и повѣдать міру ужасъ и отвращеніе, которое вызывалъ въ его нѣжной душѣ режимъ Зиновьева и Дзержинскаго. Насколько далекъ былъ А. Блокъ отъ одобренія совѣтскаго владычества, видно изъ того, что онъ не сдѣлалъ напримѣръ того, что сочли возможнымъ сдѣлать иные, напримѣръ, Бальмонтъ и музыкантъ Кусневицкій, которые получили разрѣшеніе на выѣздъ за границу. И только тогда, какъ будутъ найдены и опубликованы рукописи произведеній, которые, по слухамъ Блокъ написалъ въ послѣднее время и спряталъ ихъ отъ большевистскихъ глазъ,—только тогда міръ узнаетъ о томъ, что думалъ поэтъ въ эти черные дни.

N. N.

Лицо только что прибывшее изъ Петрограда сообщаетъ по поводу роспуска общественнаго Комитета помощи голодающимъ, что въ Петроградѣ нѣкоторые изъ общественныхъ дѣятелей были еще до роспуска увѣрены въ крахѣ комитета. „Это былъ, — говоритъ упомянутое лицо, — очень сомнительный блеффъ. Питеръ отнесся къ нему очень подозрительно. Напримѣръ, писатели въ Домѣ Литераторовъ отказались отъ присоединенія къ нему, несмотря на всѣ стараніи Н. М. Волковысскаго и другихъ, соглашательскихъ голосовъ.

Петроградское отдѣленіе Горькій формировалъ уже въ совершенно непристойномъ порядкѣ личныхъ даже не приглашеній, а назначеній, не спрашивая назначаемыхъ, почему и послѣдовалъ рядъ отказовъ.

N.

Большевики и эсъ-эры въ Ревелѣ.

(Отъ нашего корреспондента).

У насъ, въ Ревелѣ, сейчасъ двѣ большихъ злобы дня.

Одна это — международная политика большевиковъ.

Другая — ихъ внутренняя политика.

Въ области первой есть чрезвычайно серьезные симптомы подготовки большевиковъ къ какимъ-то агрессивнымъ планамъ. За послѣдніе недѣли стали сильно ухудшаться ихъ отношенія съ прибалтійскими государствами. Въ большевистской печати все чаще и чаще появляются статьи съ рѣзкими нападками на правительства этихъ государствъ, въ частности, на правительство Эстоніи. На дняхъ въ одномъ изъ совѣтскихъ оффиціозовъ была напечатана очень грубая статья по адресу нынѣшняго эстонскаго министра иностранныхъ дѣлъ, котораго большевистскій оффиціозъ обвиняетъ въ томъ, что онъ служитъ орудіемъ „подлой" (sic!) политики Антанты противъ Совдепіи.

Въ послѣдніе дни газетная подготовка уступила мѣсто военной. Большевики концентрируютъ войска вдоль границъ Эстоніи (равно какъ вдоль границъ Финляндіи), а между большевистскимъ правительствомъ и правительствомъ Эстоніи происходитъ обмѣнъ нотами далеко не дружественнаго характера.

Во что все это выльется, покажетъ ближайшее будущее.

Что касается внутренней политики большевиковъ, то въ Ревелѣ ходятъ слухи о томъ, что они нащупываютъ почву для соглашенія съ „учредилками", т. е. иначе говоря, съ эсъ-эрами, ибо милюковцы среди учредиловцевъ ничтожны и сводятся къ простому червообразному отростку эсъ-эровъ. Эти слухи отнюдь не противорѣчатъ извѣстіямъ о военныхъ приготовленіяхъ большевиковъ. Большевики работаютъ въ равныхъ направленіяхъ: и въ направленіи военнаго натиска и — на случай, если этотъ выходъ не представится выгоднымъ, — въ направленіи „соглашательства".

Ревель же — мѣсто предуказанное не только для экономической торговли между большевиками и международными спекулянтами, но и для политической торговли большевиковъ съ эсъ-эрами.

Въ Ревелѣ эсъ-эры уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ стали вить свое партійное гнѣздо. Викторъ Черновъ обосновался тамъ со своими приближенными и сталъ вести изъ Ревеля работу. В в время кронштадтскаго возстанія онъ посылалъ въ Кронштадтъ своего делегата съ предложеніемъ своихъ политическихъ директивъ кронштадтцамъ, но послѣдніе, настроенные, какъ и вся Россія очень безпартійно и ужъ отнюдь не эсъ-эровски, предложенія Чернова отклонили а делегата его выпроводили. Столь же неудачно было аналогичное обращеніе Чернова и къ комитету русскихъ карелъ, руководившему въ 1919—20 годахъ вооруженной борьбой противъ большевиковъ въ Кареліи и въ настоящее время находящемуся въ Финляндіи.

На помощь къ Чернову пріѣхалъ недавно изъ Праги В. Лебедевъ, б. „морской министръ" въ кабинетѣ Керенскаго. Онъ прибылъ въ Ревель, 17-го августа на пароходѣ „Ариадна" съ чехо-словацкимъ паспортомъ, выданнымъ на имя А. Бескида. Послѣ пріѣзда Лебедева въ Ревель, пошли слухи о какихъ-то переговорахъ между лидерами эсъ-эровъ и между ними и большевиками. Наконецъ въ послѣдніе дни стали уже опредѣленно говорить, что 23 августа въ одной изъ ревельскихъ гостиницъ состоялось секретное засѣданіе при участіи, съ одной стороны эсъ-эровъ, съ другой — большевистскаго представителя.

Крайне необходимо чтобы эсъ-эры опровергли эти слухи и не заставляли насъ думать, что они идутъ на сдѣлку съ палачами нашей родины.

По отношенію же къ Лебедеву встаетъ вопросъ: знаетъ ли чешское министерство иностранныхъ дѣлъ о томъ, что Лебедевъ пользуется чешской визой для дѣлъ, которые врядъ ли въ интересахъ Чехіи, ибо они не въ интересахъ Россіи?

Путникъ.

Русская эмиграція въ Болгаріи.

Болгарія и помощь голодающимъ въ Россіи.

Софія. (Руссресс). Здѣсь состоялось объединенное засѣданіе Славянскаго Общества Болгарскаго Краснаго Креста, посвященное вопросу о помощи голодающимъ въ Россіи. Избранъ комитетъ въ составѣ 16 видныхъ представителей болгарской общественности, во главѣ съ С. С. Бобчевымъ, Ю. Молиновой и др. Комитетъ аппелируетъ къ болгарскому народу, призывая его на помощь.

Организація русской общественности въ Болгаріи.

Софія. (Руссресс). Между 1 — 12 августа въ Софіи происходилъ съѣздъ представителей русскихъ бѣженскихъ организацій въ Болгаріи.

Изъ 34, имѣющихся на территоріи Болгаріи, организацій, въ съѣздѣ участвовало 32. Съѣздомъ установлено соглашеніе съ уполномоченными Земскаго Союза и Союза Городовъ по вопросамъ о помощи бѣженцамъ. Для контакта съ Союзомъ Городовъ и Земскимъ Союзомъ, а также съ болгарскимъ правительствомъ избранъ центральный общественный объединенный комитетъ (ЦООК) въ составѣ семи членовъ подъ предсѣдательствомъ профессора И. А. Базанова. Недавно назначенный болгарскимъ правительствомъ по соглашенію съ Лигой Націи комиссаръ по бѣженскимъ дѣламъ сдѣлалъ на съѣздѣ отъ имени своего правительства заявленіе объ оффиціальномъ признаніи ЦООКа органомъ объединенной русской общественности въ Болгаріи. ЦООКу обѣщана полная поддержка со стороны болгарскаго правительства. Предложено не смущаться даже отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ.

Русская армія въ Болгаріи.

Софія. (Руссресс) Нахдящійся здѣсь начальникъ штаба генерала Врангеля — генералъ Шатилов ведетъ переговоры съ болгарскимъ правительствомъ о размѣщеніи въ Болгаріи семи тысячъ донскихъ казаковъ.

Переговоры протекаютъ успѣшно.

Выборы въ русскій совѣтъ.

Софія. (Руссресс). Въ Болгаріи производятся подготовительныя работы къ предстоящимъ въ ближайшемъ будущемъ выборамъ въ Русскій Совѣтъ. Въ выборахъ, согласно положенію, будутъ принимать участіе также и женщины. Одновременно выборъ въ [illegible] ложена на Общество Единения Русскихъ, которое должно будетъ войти по этому поводу въ соглашеніе съ объединяющимъ всѣ общества въ Болгаріи центральнымъ общественнымъ объединеннымъ комитетомъ (ЦООКомъ).

О сѣромъ и синемъ глазѣ Чехова.

Послѣ „Трехъ сестеръ" мы съ однимъ знакомымъ чехомъ пошли ужинать. Чехъ видимо пораженный московскимъ спектаклемъ, все время разспрашивалъ меня.

— Скажите, пожалуйста,—со своимъ милымъ акцентомъ и невѣрными ударѣніями спрашивалъ онъ:—я ничего не могъ понять въ этой пьесѣ. Какіе типы тутъ по вашему, по русскому, отрицательные, какіе—положительные?

— Вопросъ вашъ очень труденъ, отвѣтилъ я:—Чеховъ не былъ бытописателемъ въ полномъ значеніи этого слова и поэтому его образы почти невозможно трактовать, какъ типы.

— Ну хорошо, допытывался чехъ:—не будемъ говорить о типахъ. Но есть же здѣсь въ этой пьесѣ люди, близкіе вашей русской душѣ, а есть—далекіе. Есть люди нравящіеся и есть не нравящіеся...

— О, конечно, прежде всего, эти три сестры и ихъ несчастный братъ. Онѣ всегда волнуютъ русскую душу.

— Прекрасно, отвѣтилъ чехъ:—ну а вотъ судя по тому, что роль Кулыгина игралъ комическій актеръ,—это образъ по вашему смѣшной.

— Смѣшной.

Чехъ недоумѣнно пожалъ плечьми, вытянулъ безъ передышки полкружки пшорра, вытеръ усы и сказалъ:

— Тогда я ничего не понимаю. Хоть убейте меня. По моему, по чешскому, Кулыгинъ—самый положительный типъ. Онъ, правда, и блещетъ, можетъ быть, умомъ, но онъ за то и не лѣзетъ въ профессора Московскаго университета. Онъ, по мѣрѣ силъ, работаетъ, трудится, искренно уважаетъ свое начальство, уважаетъ дисциплину, очень далеко и тепло любитъ свою жену. Онъ гораздо благороднѣе того пьянаго старика-доктора, который по невѣжеству загналъ на тотъ свѣтъ своего пациента, напился пьянымъ и начаъ на всѣ комнаты орать, что у Наташи съ Протопоповымъ романъ. Это самая противная фигура во всей пьесѣ. А Кулыгинъ, зная, что у его жены сильное увлеченіе, зашедшее очень далеко,—молча переживаетъ свою боль, не говоритъ ни одного слова упрека, не дѣлаетъ ни одного негодующаго жеста. Напротивъ, когда она плачетъ въ любовной прощальной тоскѣ, онъ надѣваетъ усы и старается ее разсмѣшить.

А у самого, какъ вы, русскіе, говорите, кошки скребутъ на душѣ. Милый, прекрасный, пожалуй самый лучшій образъ въ этой пьесѣ. Такъ думаемъ мы, чехи.

— Ну а сестры?

— Дуры, съ вашего позволенія, мягче сказать, глупыя женщины. Онѣ все время ноютъ, какъ пифіи,—въ Москву! въ Москву! въ Москву! а сами ни съ мѣста. Имъ такъ хочется въ Москву,—почему же онѣ не ѣдутъ туда, въ этотъ городъ? Что имъ мѣшаетъ? Я сначала думалъ, что у нихъ денегъ нѣтъ.

Но въ третьемъ актѣ выяснилось, что у нихъ былъ неваложенный домъ, который въ концѣ-концовъ братъ проигралъ въ карты. Значитъ и деньги были. Пріѣхавши въ Москву, онѣ такъ же не могли работать, какъ и въ этомъ маленькомъ городѣ. Онѣ напоминаютъ мнѣ человѣка, который тонетъ и не можетъ даже взмахнуть рукой, чтобы попыть, не желаетъ крикнуть о помощи. Эти сестры—самоубійцы. И никакой симпатіи онѣ у меня не вызываютъ.

— А братъ ихъ Андрей?

— Отвратительный субъектъ. Онъ похожъ на того Ивана Ивановича, который въ вашемъ „Ревизорѣ" потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ.

Это очень бездарный человѣкъ. Если бы онъ пріѣхалъ въ Москву, то никогда бы профессоромъ Московскаго университета не былъ. Я въ этомъ увѣренъ. Я увѣренъ, что въ пятомъ актѣ этой пьесы Наташа заставила бы его брать взятки и онъ бралъ бы и вмѣстѣ съ Протопоповымъ попалъ бы подъ судъ.

— А Наташа?

— Наташа есть Наташа. Она—мѣщанка, она недобрая и властная, она знаетъ, что дѣлаетъ. Она не хочетъ на небѣ звѣзды ловить, какъ вы говорите. И въ томъ, что она забрала власть въ домѣ опять же виноваты эти несчастныя самоубійцы. Такихъ людей покоритъ всякій негодяй, что и доказали ваши большевики. Мы, чехи, до сихъ поръ не понимали какъ нѣсколько негодяевъ могутъ держать въ рукахъ стомилліонный народъ. Теперь, глядя на спектакли, начинаемъ понимать.

— А въ общемъ какъ вамъ понравился спектакль?

— Что то божественное. Ничего подобнаго я въ жизни не видѣлъ.

Въ Константинополѣ я однажды встрѣтилъ женщину, у которой одинъ глазъ былъ синій, а другой—сѣрый. Если вы смотрели на нее слѣва, со стороны сѣраго глаза,—выраженіе лица было одно. Если вы смотрели на нее справа, со стороны синяго глаза,—выраженіе лица было другое.

Такимъ человѣкомъ съ разными глазами былъ, по моему, Чеховъ.

Сѣрый глазъ Чехова—это холодный, остро наблюдающій, мѣтко схватывающій и глубоко запоминающій глазъ врача, человѣка, воспитаннаго по всей строгости и неумолимой логикѣ естественныхъ наукъ. Люди, близко знавшіе Чехова, говорили, что если бы онъ не сталъ писателемъ, то былъ бы выдающимся врачемъ-діагностомъ, въ родѣ Захарина. Такъ и врачъ не упуститъ ни одного, самаго малаго болѣзненнаго явленія, онъ все учтетъ, все взвѣсятъ, все спокойно оцѣнитъ.

Это съ сѣрымъ и холоднымъ глазомъ Чеховъ очень ярко сказался въ его изслѣдованіи „Островъ Сахалинъ", написанномъ съ настоящей научной силой. Этотъ же сѣрый глазъ ярко казался въ его знаменитыхъ, пятитомныхъ письмахъ и особенно безпощадно выявился въ тѣхъ холодныхъ и горькихъ письмахъ, въ которыхъ Чехъ говоритъ о русской молодежи, которая прекрасна, но, спрашиваетъ онъ:

— Откуда же берутся эти сволочная русская интеллигенція, эти ворующіе инженеры и т. д.

У меня нѣтъ подъ рукой сейчасъ этихъ писемъ и я не могу привести здѣсь точной цитаты.

Такъ писалъ и оцѣнивалъ извѣстныя явленія русской жизни восьмидесятыхъ Чеховъ, общественный дѣятель и врачъ, ученикъ Московскаго Университета!

И въ то же время вмѣстѣ съ сѣрымъ Богъ далъ Чехову синій глазъ,— глазъ поэта, поэта ищущаго и взыскующаго невѣдомаго.

Со всей силой пророка онъ, сѣроглазый, хотѣлъ прорваться эту „интеллигентную" и у него, какъ у библейскаго Іоанна, вмѣсто проклятій вырвались благословенія. Эти начинающіяся, эти лиловатыя и хмурые люди 80-хъ годовъ окутаны у него такой очаровательной поэзіи, такой красотой, что невольно подаются имъ вслѣдъ и чувствуешь, какъ властно они тебя завораживаютъ.

— Вѣдь правда жаль ихъ? спрашивалъ я у пражскаго чеха.

— Конечно, жаль, отвѣчалъ тотъ:—но что же изъ этого? Мнѣ тоже и кусаетъ жаль, которую я тамъ и, все таки, я не съѣмъ.

— Такъ ихъ слѣдовало бы истребить, какъ вотъ и сдѣлали большевики? спрашивалъ я.

Чехъ долго молчалъ и, смотрѣлъ въ сторону, что-то соображалъ и, наконецъ, признался:

— Нѣтъ, онѣ, все-таки, очаровательны. Я откопалъ въ своей душѣ чувства зависти къ нимъ. Это, все-таки, какая-то высшая порода людей. И все-таки, въ нихъ есть какая-то покоряющая царственность, въ этихъ трехъ сестрахъ.

Съ особымъ подъемомъ, съ накопленными свѣжими силами, отдохнувши послѣ пастрольныхъ, многомѣсячныхъ переѣздовъ, московскіе художники, въ день открытія своего зимняго сезона, сыграли „Трехъ Сестеръ", эту четвертую симфонію Чехова.

Какъ евангеліе утѣшаетъ заключеннаго въ тюремной камерѣ, такъ эти московскіе поэты утѣшаютъ насъ, томящихся въ небываломъ, несльхъ иномъ и невиданномъ эмигрантствѣ.

Перечислять ихъ имена?

Всѣ имена, какъ ручьи въ морѣ, сливаются въ одномъ:

— Московскій Художественный Театръ.

И. Сургучевъ.